

описательности, риторическое и интонационное богатство, насыщенность историческими примерами), Фридрих превращает свои оды в страстный монолог, именно этим, вероятно, и пленив Державина.

Сам по себе факт подражания Державина одам Фридриха замечателен. Русский поэт создавал оды, имея перед собой образцом немецкую прозу. Он должен был воссоздать в воображении эти оды в их поэтическом воплощении и уже этим мыслимым одам подражать. Задача, стоявшая перед Державиным, была трудна и оригинальна, возможно, даже не знала прецедента. Самым сложным и принципиально важным было найти стихотворную форму, соответствующую напряжению и страстности од Фридриха. Можно сказать наверняка, что ему был неизвестен французский оригинал, а значит, и подлинная форма этих од. Таким образом, он был совершенно свободен в выборе русского эквивалента. Не следует забывать, что для поэзии XVIII в. вопрос формы, прежде всего строфики и метра, имел особое значение. Жанровая определенность, естественно, касалась и формы: строфика, метр, рифмовка и т. п. получали благодаря этому максимально возможную семантику. Всякое отступление от жанрового канона было предельно явственным, и наоборот, всякое соответствие, аналогия свидетельствовали о многом. Поэтому никак нельзя недооценивать значение выбора Державиным строфики для своих од. Он остановился на одической строфе, правда восьмистишной, а не классической, 10-стишной. В некотором смысле выбор одической строфы естествен: ода должна быть классически оформлена. Однако мы знаем, что у него уже был опыт оды «На смерть Бибикова». Он, вероятно, мог и здесь как-нибудь модернизировать одическую форму; но не стал этого делать, угадав тем самым истинную форму оды нового для него типа.²⁹

Выбор строфы, а вместе с ней и метра — четырехстопного ямба, во многом определил успех оригинальных од Державина. Верно почувствовав особенность новой оды в богатстве риторических фигур, в насыщенности вопросами, восклицаниями, обращениями, он безошибочно использует их, опираясь на опыт торжественной оды. С тем же вниманием относится Державин и к другим формальным сторонам оды этого типа. Как и его августейший учитель, он избегает описательности (которая, впрочем, не особенно ему давалась и в ранних, еще «ломоносовских», одах), ее заменяют сентенции, обличения, поучения, подкрепляемые примерами из истории. Таким

²⁹ Заметим кстати, что из 11 од сборника лишь четыре, выбранные Державиным для перевода, были написаны классической одической строфой. Если это естественно для трех од образца «A la Calomnie», то форма оды «A Maupertuis», вероятно, простая случайность.